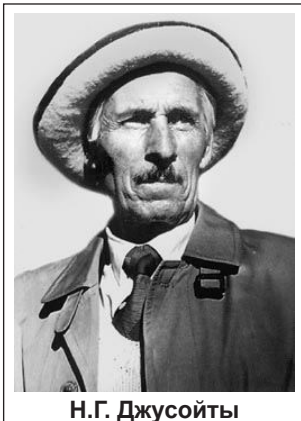

Вестник ВНЦ открывает рубрику «Гуманитарный хронограф», в рамках которой предполагается опубликовать, снабдив самыми общими и необходимыми комментариями, наиболее актуальные сегодня тексты ученых-гуманитариев и философов разных времен и народов. Здесь мы помещаем текст, злободневный дважды: и содержанием, и автором, отмечающим в этом году 90-летний юбилей. Доклад выдающегося осетинского ученого-филолога и писателя Н.Г. Джусойты «О влиянии и национальном такте» был написан и опубликован в 1963 г., но его главная историческая, морально-этическая и эстетическая идеи весьма актуальны – возможно, по-новому актуальны, но никак не менее актуальны. Что касается осетинского (и других народов Северного Кавказа) литературоведения, то для него она, безусловно, важна и методологически.

Н.Г. Джусойты

О ВЛИЯНИИ И НАЦИОНАЛЬНОМ ТАКТЕ

(выступление на конференции по литературным связям

в Институте мировой литературы

АН СССР 24–26 декабря 1963 г.)

Н.Г. Джусойты*

Вот здесь шутили товарищи, что в наших выступлениях о взаимосвязи очень мало взаимосвязи, поэтому я буду говорить только о взаимосвязи, и ни о чем другом постараюсь не говорить.

Правду говоря, меня смутило, что на специальном совещании о литературных связях само понятие – предмет нашего исследования – не получило никакой научной характеристики и определения. Между тем в понятие литературных связей мы включаем огромное количество разнохарактерных явлений. И мне думается, что эти явления необходимо расчленивать, классифицировать и определить по качественным признакам.

В статьях Белинского подробно освещены явления, относящиеся к влиянию в пределах одной национальной литературы. Он указывает на влияние общелитературное, индивидуальное, благотворное, вредное и т. д. Было бы, на мой взгляд, полезно приложить эти категории и к межнациональным литературным связям. Во всяком случае, истолкование Белинским фактов влияния внутринационального во многом поможет нам понять и осмыслить явления межнационального литературного влияния.

Вероятно, все заметили, что в наших выступлениях о межнациональных литературных отношениях уже не найти термина влияние. Мы охотно говорим об отношениях, связях, взаимосвязях и взаимовлиянии, но... влияния без «взаимо» уже нет. Что это – отражение действительного соотношения уровня исторического развития

разных национальных литератур в нашей стране или же научная истина дипломатично умолкает перед национальной спесью отдельных личностей?

Я не стал бы об этом говорить пространно, но даже в докладе Георгия Иосифовича¹, самого крупного специалиста по данному вопросу, влияние, как тема, названо в тезисах, но в тексте доклада исчезло. И мне приходит в голову, что это делается во имя благородного дела – соблюдения национального такта.

Мне думается, что национальный такт надо соблюдать, но не в обход истины. Правда не может оскорбить здоровое национальное чувство. Только ложь оборачивается национальной бестактностью, а фигура умолчания истины – национальной неблагодарностью.

Межнациональные литературные отношения – явление историческое. Они складываются постоянно и в своем развитии знают различные качественные этапы. В их освещении нельзя сходить с позиций историзма, чтобы не впасть в самые элементарные ошибки.

Межнациональные литературные отношения возникают там и тогда, где и когда появляются экономические, политические и культурные связи между двумя народами. Чем интенсивнее эти связи, тем ярче и полнокровнее также проявление сугубо литературных связей. Что же касается самого характера этих связей, т. е. их качественных особенностей, то они зависят, в конечном счете, от соотношения уровней исто-

* Джусойты Н.Г. – д. ф. н., профессор, г. н. с. Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева и ВНЦ РАН.

¹ Георгий Иосифович Ломидзе (28 июля (10 августа) 1914, Тифлис – 27 февраля 1999, Москва) – советский и российский литературовед, специалист в области истории и проблем развития советской литературы. Член-корреспондент АН СССР с 28 ноября 1972 года по Отделению литературы и языка (литературоведение). (Прим. ред.)

рического развития двух национальных культур, пришедших в более или менее тесное соприкосновение.

Попробую проиллюстрировать свою мысль на примере осетино-русских литературных отношений.

В XVIII веке возникает политическая заинтересованность русского государства в тесном соприкосновении с Осетией – центральной областью Кавказа. Во второй половине XVIII в. Осетия добровольно присоединяется к России. Отныне экономическое и политическое влияние России в Осетии становится господствующим.

В первой половине XIX века в Осетии насильственно установлен весь административный, экономический, политический и духовный порядок Российской империи.

В начале 60-х годов XIX века два события большого исторического значения навсегда определяют дальнейшую судьбу всех кавказских горцев, в том числе и осетин. Это – окончание освободительной войны горцев Кавказа против российской колониальной системы и отмена крепостного права. Началось, по терминологии Ленина, «экономическое освоение» Кавказа, т. е. исключительно интенсивное соприкосновение всего жизненного уклада России и народов Кавказа. Отныне все экономические, политические и культурные закономерности развития России были непреложны и для народов Кавказа.

Произошла, как говорили в старой осетинской публицистике, «встреча двух культур». И надо сказать прямо, что вопреки колониальной системе царизма эта встреча была благотворной для развития осетинской национальной культуры.

Если говорить о национальных литературах, то это была встреча одной из самых развитых в мире национальных литератур, т. е. русской классической литературы, с только что зародившейся молодой осетинской литературой. В своем зарождении, становлении и окончательном оформлении как самостоятельной национальной художественной традиции осетинская литература во многом обязана благотворному влиянию великой русской литературы.

Во второй половине XIX века, да и в первом тридцатилетии XX века, осетинская литература испытывала именно влияние русской литературы и шире – литературы на русском языке. При этом влияние было именно односторонним. О взаимовлиянии здесь речи быть не может, его не было. Больше того, это одностороннее влияние испытывали не отдельные представители осетинской литературы, а почти все самые значительные имена осетинской художественной традиции той поры. Иначе говоря, влияние было не только односторонним, но и национальным по своим масштабам и значе-

нию.

Ныне осетинская литература вошла в полосу своей зрелости, т. е. в течение последних ста лет она шла ускоренными темпами развития и уже выработала устойчивую национальную физиономию. Поэтому теперь речь должна идти уже о связях, не носящих характер одностороннего влияния. Но это уже другой этап в истории осетино-русских литературных отношений.

Я рассказал об одностороннем влиянии русской литературы на осетинскую, носившем по своему масштабу и значению национальный характер. Думаю, что никто из вас не заподозрит меня в неуважении к своему народу и к родной для меня литературе. Но, при всей моей любви к своей литературе, мое национальное достоинство ни в коей мере не испытывает чувства унижения от этого признания или осознания исторической истины. Оскорбительно другое, когда это влияние сводят к мелочам, как это имело место в статье одного критика, утверждавшего, что «чеченцы даже диалог взяли из русской литературы». Вероятно, он думает, что чеченцы до знакомства с русской литературой никогда друг с другом не разговаривали или произносили одни монологи. Это уже оскорбительная бестактность, но речь не об этом.

Конечно, можно подменить термин «влияние» в данном историческом контексте «взаимовлиянием». Но это будет неправдой в отношении истины, а в отношении русской литературы – национальной неблагодарностью. А для меня одинаково оскорбительны как национальная бестактность, так и национальная неблагодарность.

Я думаю, что для всех молодых национальных литератур нашей страны за последнее столетие их развития характерны две черты. Первая – они шли за это столетие ускоренным темпом в своем развитии, чтобы преодолеть свою историческую запоздалость, т. е. ту большую дистанцию, которая отделяла их от уровня современных им развитых национальных литератур. Вторая – в этом процессе ускоренного прохождения «курса истории» они все испытывали благотворное влияние русской национальной литературы, влияние, будившее и укреплявшее в них «их собственные силы» (Белинский).

Поэтому, мне думается, если мы желаем вскрыть подлинные закономерности развития молодых советских литератур, выяснить сущность расцвета многонациональной советской литературы, то эти два явления – ускоренный темп развития и влияние русской литературы – должны быть нами рассмотрены как специфические черты исторического развития этих литератур и включены во внутреннюю логику движения национальных литературных традиций.

В выступлениях некоторых товарищей наметилась одна тенденция, которая, на мой взгляд, неправильно освещает именно эту особенность молодых литератур. Они считают, что результаты литературного взаимовлияния тем плодотворнее, чем однороднее по уровню исторического развития влияющие друг на друга литературы. Выходит, что развитые литературы должны обращаться к развитым, а неразвитые к неразвитым? Это, по-моему, неправильно. При всех случаях наиболее плодотворно обращение к самым передовым идейно-художественным традициям.

По оспариваемой мною логике Коста Хетагурову в период формирования осетинской национальной литературной традиции надо было обращаться к Кантемиру и Ломоносову, к XVIII веку, а не к Пушкину, Лермонтову и Некрасову. Между тем он поступил иначе. И опыт Пушкина, Лермонтова и Некрасова оказался более плодотворным для создания основ осетинской литературы.

Конечно же, когда национальная литературная традиция только что формируется, то нельзя от нее ожидать результатов, качественно однотипных с произведениями развитой литературы. И не этим надо определять плодотворность влияния.

Показателем в данном случае должна быть одна мера: насколько приблизилась молодая литература к историческому уровню влияющей национальной традиции. Иначе говоря, в какой мере влияние развитой литературы способствовало складывающейся национальной традиции успешно пройти ту большую историческую дистанцию, которая отделяет ее от уровня полнокровных реалистических традиций художественного творчества современного человечества.

Вдумываясь в логику развития молодых национальных литератур, в те специфические ее черты, которые названы ускоренным темпом развития и влиянием русской классики (в том числе и советской), нельзя не заметить, что эта логика приводит прямым путем к вопросу о соотношении традиций и новаторских поисков в литературном процессе.

Дело в том, что исходным материалом, художественной почвой для молодых литератур в их развитии служил и продолжает по сию пору служить национальный фольклор, а произведения этих литератур адресованы читателю в массе своей с фольклорным эстетическим чувством.

Ускоренный темп развития сам по себе предполагает идти непрерывно от одних новаторских завоеваний к другим. Иначе никакого ускоренного развития не будет. С другой стороны, эстетическое чувство народа-читателя, которое является одним из неминуемых формирующих начал в

национальной художественной традиции, очень устойчиво меняется далеко не ускоренными темпами.

Вот это реальное противоречие, присущее процессу развития молодых литератур, должно стать также предметом нашего внимания, чтобы верно оценивать как результаты литературного процесса, так и качественные сдвиги на отдельных этапах его движения. Без учета этого противоречия мы не сможем верно судить о достоинствах произведений молодых национальных литератур. Единого эстетического мерила ко всем явлениям многонациональной советской литературы не должно быть, если только наша история литературы предлагает эстетическое суждение с учетом исторической специфики произведения.

Наконец, если уже зашла речь о национальном такте, то мне хочется обратиться к мастерам русской литературы и русской литературной науки. Мы, представители молодых национальных литератур, в великом долгу перед культурой русского народа и испытываем самое искреннее чувство благодарности к русской литературе и к ее создателю – русскому народу. Мы бы считали для себя оскорбительным непризнание или умолчание исторического факта благотворного влияния русской литературы на становление и формирование наших национальных литератур. Это было бы с нашей стороны национальной неблагодарностью, которую мы считаем недопустимым кощунством.

Но когда в нашей центральной печати раздаются голоса, оспаривающие самое право и необходимость существования художественной культуры на языках малочисленных народов страны, когда противопоставляют им языки многочисленных народов, то это тоже считаем оскорбительным и недопустимым явлением, фактом грубейшей национальной бестактности. И хотелось бы, чтобы по этим сложным вопросам, требующим величайшей осторожности и тончайшего национального такта, выступали не рядовые газетные работники (Григорий Куклис и др.), а мастера литературной науки. Тогда бы не приходилось говорить здесь о национальном такте. Нужно иметь, мне кажется, искреннее внутреннее благородство и чувство глубокой ответственности перед народами, о языках которых берешься судить, чтобы выступать по таким щекотливым вопросам.

И еще надо обладать мужеством истинного патриота, чтобы ответить людям, допустившим оскорбительный выпад против достоинства другого народа, как это сделал в свое время Чернышевский, выступив со статьей «Национальная бестактность»².

²В статье «Национальная бестактность» («Современник», 1861, июль) Н.Г. Чернышевский, в частности, подверг резкой критике львовскую газету «Слово» за великорусский национализм (Прим. ред.)